

Верующий – это слово (лексема) современного русского языка, вошедшее в широкое употребление в XIX-XX вв. Так в знаменитом «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля (1863) этого слова нет, но приводится слово «верующий» в значении «верительное письмо» (документ, свидетельствующий о поручении определенного дела). Преимущественно в публицистической литературе XIX века формулируется оппозиция «верующий/неверующий», при этом под «верующими» прежде всего понимались приверженцы разрешенных государством «вероисповеданий», особенно «Российской Церкви» (в терминах «Духовного регламента» 1721 года). Термин до начала XX века не использовался в собирательном значении, поскольку старообрядцев именовали «раскольники», иудеев – «жидами», ламаитов (буддистов) – «идолопоклонниками» и «язычниками», адептов духовно-мировоззренческих новообразований – «лжеучителями», «безбожниками», «отступниками», «атеистами», «сектантами», «еретиками» и т.п. (к примеру, Л.Н. Толстой в Определении с посланием святейшего синода № 557 от 20 — 22 февраля 1901 года и т.п.).

«Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о религиозных объединениях» (от 08.04.1929) вводит в оборот понятие «религиозное объединение верующих граждан всех культов», после чего слово «верующий» входит в словари русского языка, становясь собирательным нормативным обозначением обозначающего приверженцев любого вероисповедания: «верующий... признающий существование бога, религиозный человек» (позднее «признающий существование бога» меняется на более широкое «признающий существование сверхъестественного»). «Верующим» противопоставляются «атеисты» как носители «передового научного марксистско-ленинского мировоззрения» и «строители коммунизма». При этом игнорировались те концепции (С.Н. Булгаков, Л.П. Карсавин и др.), где марксизм сам квалифицировался как «религия» («квазирелигия», «псевдорелигия», «секулярная религия» и т.п.). Разворачиваются

многочисленные попытки создания универсальной «типологии верующих», целью которых было как изучение сходства и различий приверженцев различных религиозных движений, выявление «маркеров» и «индикаторов», характеризующих особенности их мировоззрения, поведения и интергрирования в специфические сообщества (церкви, приходы, общины и т.п.), так и использование этих знаний для успешного ведения работы по «атеистическому воспитанию трудящихся» и «преодолению религиозных пережитков». Обратной стороной таких классификаций было ситуативное выделение или сокрытие особой категории «колеблющихся». Вместе с тем за советский период так и не удалось сформулировать научно-аналитическое определение термина «верующий», превратить интуитивно понятное слово разговорного языка в ясный элемент концептуальной научной системы. Иронично-карикатурным описанием фундаментальной неопишуемости динамичного и полиморфного «многообразия верующих» в позднем СССР стало издание М.Н.Эпштейном книги «Новое сектантство: типы религиозно-философских умонастроений в России. 1970—1980-е годы». Такого рода «приверженность» возникает и исчезает ежедневно и сегодня, ее невозможно отследить, описать и «запротоколировать» в архивах «ведомств национальной безопасности».

Аналогичное понимание слова сохранилось вплоть до словарей наших дней, где «верующим» считается 1) тот, кто верует в Бога или 2) религиозный человек (при этом может приводиться более 20 синонимов этого слова: адорант, благочестивый, боголюбец, пистевон, набожный и т.п.). в полемических публикациях и атеистов могут назвать «верующими» («верующими в отсутствие Бога»), а «верующих» сограждан противопоставлять «религиозным» (как более строгим приверженцам юрисдикции, к примеру, РПЦ МП, или конфессии, к примеру «православию», или целому вероисповедальному надконфессиональному сообществу, к примеру, «христианству» и т.п.), в отличие от тех, кто «свободно почитает Бога (Абсолют, Трансцендентное, начало бытия и т.п.)» и чья «вера не

вмещается в рамки какого-то вероисповедания» т.е. слово «верующий» приобретает антропологическое значение, поскольку каждый человек во что-то верит, а каждый «верующий» в нечто одно (к примеру, в Бога), очевидно является «неверующим» в другое (так, Мать Тереза сомневалась в существовании Бога, а вырастающие дети - Деда Мороза). Те же словари, однако, в качестве антонимов слова «верующий», как и в XIX веке, указывают на такие слова как «неверующий», «атеист», «безбожник» или «агностик». Многих раздражала такая самоидентификация как «православный атеист» (Л.Н.Митрохин, С.П.Капица), а в 2012-2013 годах в интернете, особенно «православном», активно велась дискуссия о том, является ли «верующим» Б.Гребенщиков или он «эзотерик», «буддист», «окультист» и т.п.. Очевидной является реставрация «семантики средневековья» в массмедиа.

Таким образом, можно говорить, что слово «верующий» может использоваться для обозначения:

1) собирательного класса доступных для эмпирического анализа феноменов эпохи «стратифицированных обществ» и «общества обществ» (Н.Луман), в истории человечества причислявших себя или причисляемых к категориям «религия», «конфессия», «вера религиозная», «верование», «вероисповедание» в значении «юрисдикция», т.е. «община религиозная», «церковь», «государственная религия» или «религиозное объединение» явно или неявно несущие «христоцентричные представления» (нет исследований о «верующих шаманах» или «верующих магах»).

2) разделительного класса персональных самоидентификационных феноменов, обладающих постулируемыми «подлинностью», «благодатью» и уникальной перспективой «спасения», определяемых специально разработанными маркерами и индикаторами, характеризующими их причисление к категории «истинных» (верных, правильных).

3) операционального термина социологии религии, маркирующего

а) *адепта* юрисдикции или последователя религии, т.е. носителя формы определенной «конфессиональной принадлежности» (верифицируемой причастности к конкретному самоопределяющемуся религиозному объединению, юридическому лицу, юрисдикции), который в зависимости от степени этой причастности может быть оценен в качестве *номинального*, «формального», «минимального» и т.п. (принадлежность без вовлеченности в фактическую, в т.ч. измеримую социологически, приходскую жизнь) или практикующим (принадлежность с вовлеченностью в приходскую жизнь); в СССР термин выступал для «маркирования» той части населения, которая воспринималась в качестве потенциальной угрозы перспективе строительства «коммунистического общества».

б) формы внеконфессиональной индивидуальной религиозности (субъективной самоидентификации с неверифицируемой причастностью к «традициям предков», «Всевышнему», «духовному единству», «эзотерическим учениям» и т.п.), которые могли квалифицироваться (и самих себя идентифицировавших) в разных историко-культурных контекстах в качестве представителей «индифферентизма», «колеблющихся», «неверующих», «агностиков» или «атеистов» (в том числе возникшей в постсоветской России парадоксальной самоидентификации в качестве «православных атеистов» или с адептом «религиозно-атеистических сект» в работе М.Эпштейна, 1991).